

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 25-го Июля 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10049.

БОЛЬ.

(Carte postale)

Ne vous plaignez pas
des alarmes,
Qui vous font tant pleu-
rer, amants...
J. Richepin.

Они шли медленно, разстроенные и печальные.

Онъ продолжалъ умолять ее. До какихъ поръ она будетъ мучить его? Неужели же она никогда не сжалится надъ нимъ? Онъ больше не въ силахъ ждать. Онъ за себя не ручается. Это кончится плохо—ея шутки.

— Анни, вы прійдете сегодня?

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Анни, я добиваюсь этого почти два года...

— Нѣтъ.

Бѣлый домъ съ садомъ уже виднѣлся издали.

Сказала грустно и мягко.

— Теперь мы простимся, мой другъ... Я не хочу, чтобы тетя замѣтила наше изъ окна.

— Ахъ, какое мнѣ дѣло до всѣхъ тетокъ въ мірѣ...

— Леонъ, будьте же благоразумны...

Онъ продолжалъ осыпать ее упреками. Потомъ, унылый и жалкій въ своемъ безсиліи, онъ рассказалъ, что остановился у госпожи М., гдѣ ничего не измѣнилось.

На его столѣ по-прежнему

каждое утро живые цветы, мебель дремлетъ въ чехлахъ, а старинные часы кашляютъ передъ тѣмъ, какъ пробить время. Сама госпожа М. такая же прелестная, тихая блондинка, только фиолетовые глаза стали еще глубже.

Это задѣло Анни. Пробормотала ревниво:

— Вы ею увлекаетесь.

— Нѣтъ, вы знаете сами...

И онъ удвоилъ свои мольбы. Одинъ часъ... Ничего больше... Одинъ только часъ. Онъ наглядится на нее вдоволь, а завтра уѣдетъ.

Ее терзала жалость. Наконецъ, она сдалась.

— Хорошо. Я загляну къ вамъ послѣ семи. Обѣщайте только быть умницей.

Онъ обѣщалъ. Радостный поцѣловавъ узкую, похолодѣвшую руку и безъ словъ отвѣтилъ „благодарю“.

Она шла рядомъ, чрезвычайно смущенная. Ее волновали самыя разнообразныя чувства. Съ одной стороны любовь, преданность, постоянство этого человѣка трогали ее, съ другой она была женщиной, воспитанной въ извѣстныхъ традиціяхъ, гдѣ страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ—выше всего. Впрочемъ, она начала уставать.

Памятникъ Петру Великому въ Ригѣ,

открытый въ Высочайшемъ присутствіи 4 іюля.

Грѣхъ переставаль пугать ее. Мужъ, дѣти, уютная квартирка тамъ на сѣверѣ отошли, стушевались. Любопытство жгло ее.

Она говорила въ слухъ, искренно волнуясь.

— Это все ужасно безнравственно, отвратительно... мнѣ не слѣдовало встрѣчаться съ вами... Зачѣмъ вы прѣѣхали, Леонъ? Вы пользуетесь моей слабостью... Ахъ, si j'avais su...

Почему послѣднія слова вырвались у нея по-французски, она-бы не смогла объяснить. Ее нѣсколько успокаивалъ его покорный видъ. Тихая, провинциальная улица была пуста. Она жадно слушала обычныя, шаблонныя слова.

Потомъ отозвалась тихо.

— Правда, намъ не слѣдовало разставаться?

Они простились, не находя словъ. Они еще нѣжно улыбались другъ-другу на разстоянії.

Подымаясь къ себѣ, Анни тяжело вздохнула. Да, пожалуй, ей не слѣдовало торопиться замужъ. Но какъ узнать будуще? Когда Леонъ ухаживалъ за нею, ей едва исполнилось 20 лѣтъ... Она носила двѣ косы сзади и тайкомъ упивалась Ламартиномъ. Она часто безпричинно плакала. Она ни-

чего не понимала въ жизни. Прошло достаточно времени, но даже материнство не измѣнило ее. Она чувствовала себя безконечно неудовлетворенной. Почему? Она не находила отвѣта.

Тетка ждала ее въ сиреневой, старомодной гостиной.

Чай застылъ въ хрупкихъ, японскихъ чашкахъ. Здѣсь было тихо, торжественно, немного печально, какъ всегда тамъ, гдѣ ютится одиночество.

Анни быстро, съ преувеличеною живостью извинилась. Она также сочинила цѣлую исторію, чтобы уйти вечеромъ.

Тетка качала головой. Нѣтъ, современные женщины переходятъ всѣ границы... Въ ея время, ни одна не рѣшалась разгуливать solo... въ сумерки... Безъ сомнѣнія, конецъ міра близокъ. Удивительно, какъ еще терпѣли Господь-Богъ... прямо изумляешься.

Она исподтишка наблюдала за племянницей. Осторожно заговорила о малюткахъ...

Анни думала о чёмъ-то другомъ. Ласково и разсѣянно поддакивала.

Наконецъ, одѣла шляпу. Тогда старуха окликнула ее негромко, совершенно инымъ, словно помолодѣвшимъ голосомъ.

— Одну минуту, Анни...

Племянница тревожно оглянулась.

— Я слушаю васъ, тетя...

— Леонъ въ городѣ...

— А!

Съ минуту онъ помолчали. Анни, наконецъ, согласилась устало:

— Да... это такъ... вы угадали.

— Онъ требуетъ?

— Требуетъ?! Что вы, тетя... умоляете...

— Ну, въ такомъ случаѣ, ты доложишь меня?..

— Конечно.

— Есть въ натурѣ женщины одна черта, которую мы часто забываемъ: любовь къ страданію. Боли, слезъ, жертвы... въ этомъ наше счастье. Мы любимъ только того, кто къ намъ безжалостенъ, только того, кто заставляетъ насъ плакать, только того, кто сдѣлалъ насъ несчастными. Это не рабство, это больше—это вѣчная, неутолимая жажда боли. Правда?

Старуха тонко улыбалась. Молодая задумчиво кивнула головой.

— Да, я понимаю...

— Боль—душа любви, Анни. Боль—единственное и высшее наслажденіе. Я думаю, что находя какое-нибудь большое горе, мы находимъ счастье. Пусть это не ново, зато вѣрно.

Анни медлила отвѣтъ. Она заглянула въ тайники своей души. Она подивилась тому, какъ ловко сумѣла чужая рука снять съ ея глазъ повязку.

— Для того, чтобы быть счастливой, я должна быть несчастной?

— Да.

— И для того, чтобы любить, оставаться нелюбимой?

— Да.

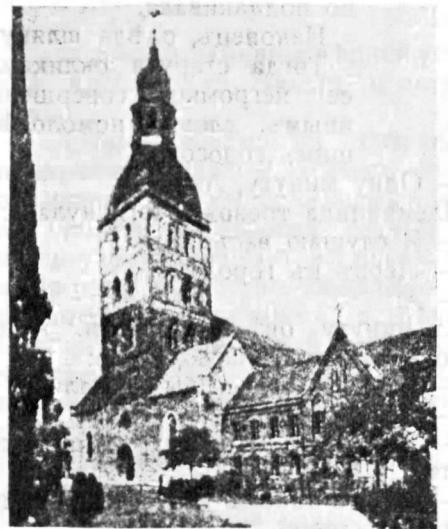
— Хорошо. Я останусь дома, тетя. И она, дѣйствительно, осталась.

Анна Маръ.

Кнут Гамсонъ.

твою маленькую, но такую глубокую и любящую душу. И когда ты лежишь у него на плечѣ, а онъ повторяетъ— скажи, скажи что-нибудь... ты знаешь, что не надо ему словъ твоихъ, ты знаешь, что онъ хочетъ только слышать твой голосъ, сильнѣе, быть можетъ, чувствовать твое присутствіе, чтобы не казалась сномъ твоя любовь, чтобы знать, что это дѣйствительно ты, маленькая Ира, склонилась такъ по дѣтски къ нему на плечо и долго, долго молчишь... А потомъ, потому, что ты скажешь ему?—Почему его такъ долго не было... Правда, ты будешь говорить о томъ, что онъ тебя не такъ сильно любить, какъ раньше, что онъ даже уже совсѣмъ разлюбилъ тебя... Тебѣ уже самой хочется его словъ, ты хочешь слышать ихъ, полныя невыразимой ласки, полныя той жгучей прелести, отъ которой можетъ воскреснуть увядшій цвѣтокъ, отъ которой въ душѣ твоей растетъ гимнъ ему, которую только ты, маленькая и новая, можешь почувствовать и оѣѣнть... А рука его будетъ нѣжно гладить твои волосы и и тихо, тихо повторять... милая, милая, солнышко! Быть можетъ и не такъ, быть можетъ это будутъ другія слова, но ты будешь слышать одно... люблю, люблю, люблю... А въ глазахъ твоихъ лучистыхъ и большихъ будетъ отражаться все счастье этого слова и,

Dom kirche.

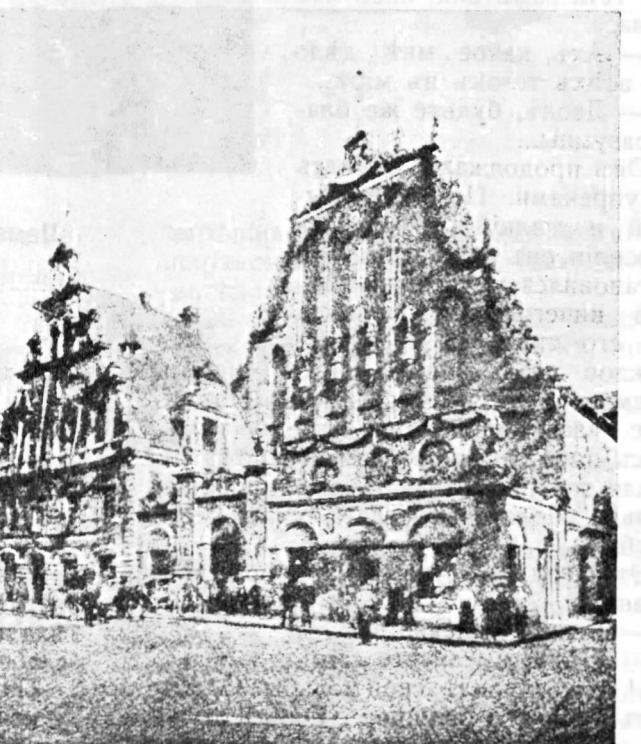
Лютеранскій соборъ Св. Дѣзы Маріи,— древній храмъ Риги, существующій около 700 лѣтъ.

нить одно слово, точно въ первомъ словѣ будетъ столько нѣжности, что міръ, свѣтлый міръ, который подарилъ тебѣ счастье любви, упадеть къ ногамъ твоимъ и будегъ молиться твоей безконечной святой нѣжности, словно съ первымъ твоимъ словомъ прорвется вся твоя молодая страсть и затопитъ весь міръ въ морѣ волнъ своихъ. Ты молчишь, Ира. И онъ понимаетъ тебя, онъ давно простилъ тебѣ твое молчанье, онъ давно понялъ

твоя мысль... Ты, ты—мой. Больше—ничего. Нѣтъ міра, нѣтъ людей, нѣтъ природы, нѣтъ пространства, только ты и онъ, онъ и—ты!... Свѣтлая, маленькая Ира. И если есть такія минуты, если есть такие миги, то развѣ же не стоитъ жить? Развѣ не жаль тебѣ, что ты еще такъ недавно думала о смерти, о ненужности бытія?—Вѣчность или моментъ. Было ли это долго, часами, или минутами, скажи...

Ты одна, маленькая, бѣдная, покинутая. Теперь ты можешь сказать, что это ночь, когда ты сидишь у своего высокаго окна и глядишь на міръ. Теперь ты можешь сказать, что тамъ внизу бродятъ люди, спѣшатъ куда-то прохожіе, снуютъ экипажи, теперь ты слышишь, какъ внизу у твоего окна тихо играютъ на гитарѣ, а вдали оркестръ плететъ грустный вальсъ. Теперь ты видишь надъ собою синее небо, а на немъ какъ ракетой разсыпаныя звѣзды, сначала большими пучкомъ, а потомъ все менѣе, рѣже, и наконецъ совсѣмъ беззвѣздное, синее небо. Теперь ты видишь и чувствуешь міръ... Ты одна, маленькая Ира... А въ душѣ твоей пустыня. И въ ней горячимъ огнемъ любви выжжено „онъ“, и оттого, что его нѣтъ съ тобою, оттого, что ты не увидишь его скоро—душа твоя бѣтъся какъ маленькая раненная птичка...

Гаснетъ синева неба, мерцаютъ и уходять звѣзды, свѣтлѣтъ вокругъ, а ты все сидишь у окна, неподвижно,

Домъ общества Черноголовыхъ въ Ригѣ.

Домъ этотъ—старинное учрежденіе, возникшее еще при владычествѣ Швеціи. Членами общества могутъ быть только холостые люди, обладающіе крупнымъ доходомъ. З юля дома поѣтилъ Его Императорское Величество Государь Императоръ, оставилъ здѣсь на память Свою перчатку и поклонился обществу братинъ.

точно не надо тебѣ ничего кромѣ той боли, что выжжена въ твоей душѣ, точно ты не хочешь неосторожнымъ движениемъ хотѣть на мгновеніе отогнать тоску по ласкѣ, по далекому любимому голосу... Ты такая маленькая и только потому ты такъ гордо любишь! Ты такая нѣжная, новая въ своей великой любви, и только потому ты такъ безумно любишь свою тоску по немъ и, любя, ты лелѣшь ее и, лелѣя, стра-

даешь такъ глубоко, такъ безумно остро, что если бы твой любимый могъ заглянуть въ твое маленькое сердце, то его большое и славное сердце дрогнуло бы отъ жалости къ своей Ирѣ... И, жалѣя, онъ бы такъ любилъ тебя, онъ вынулъ бы изъ своей души всѣ ея извилины и наполнилъ бы ихъ нѣжными словами, а въ голосѣ его они бы превратились въ сплошное море необѣтой ласки, отъ которой ты бы тихо роняла свои чистыя, крупныя слезы ему на грудь и долго, долго молчала...

Но его нѣтъ, онъ такъ далекъ отъ тебя. Онъ не могъ остаться съ тобою, потому что жизнь, та жизнь, о которой ты такъ легко забыла въ своей любви къ нему,—эта жизнь вѣлья уйти ему отъ тебя... на время. И ты отдаешь ей свою долгъ, ты платишь ей за то, что въ любви своей не помнила о ней...

Ты встаешь, тебѣ безумно тяжело, ты уходишь отъ окна, ты ляжешь, уснешь, пока промелькнетъ такъ быстро и придвигнется твою встрѣчу съ нимъ. Мягкая, маленькая постель... Ты уже въ ней. Окна твои раскрыты, вѣтерокъ чуть-чуть колышетъ занавѣски и шевелитъ твои волосы... Забылась маленькая Ира...

Опять съ нимъ... Онъ вѣдь совсѣмъ не уходилъ отъ тебя! И ты рассказываешь ему, что тебѣ казалось, точно онъ, твой любимый, уѣхалъ, ты рассказываешь о своей душѣ, въ томъ, какъ одинокая и грустная сидѣла ты у своего окна, и смотрѣла на тебя лишь холодныя, свѣтлые звѣзды, а не его милые, родные глаза... Ты рассказываешь, ты, маленькая, которая всегда молчать и въ молчаніи своемъ такъ прекрасно говорить...

А онъ гладить твои распущенныя волосы и повторяетъ: бѣдная, маленькая, солнышко... Значить, тебѣ плохо безъ меня?.. И ты молча киваешь головой... Значить, ты любишь?.. Ты прижимаешься къ нему и молчишь, а онъ опять ласкаетъ тебя, и отъ радости, отъ того, что тебѣ казалось раньше, точно онъ уѣхалъ отъ тебя, а онъ здѣсь, съ тобой, такой нѣжный,—ты роняешь грустныя и счастливыя слезы...

Ты снова у окна? Маленькая, бѣдная, Ира. Тебѣ снилось?.. Онъ, твой любимый, со своей нѣжной лаской только грезился тебѣ?.. Только...

Свѣтаетъ ужъ. Искезли блѣдныя холодныя звѣзды. Въ душѣ твоей безуміе боли, отчаяніе безысходной тоски, по немъ, по его голосу... Зачѣмъ, Зачѣмъ... шепчутъ холодныя мертвыя губы.

О маленькая, счастливая Ира...

Взгляды! Скоро солнце встанетъ; его еще не видно... А ты такая любимая, маленькая и большая... Твое солнце тоже тамъ вдали, его еще ты не видишь, но ты чувствуешь его, да? Скажи, да?!

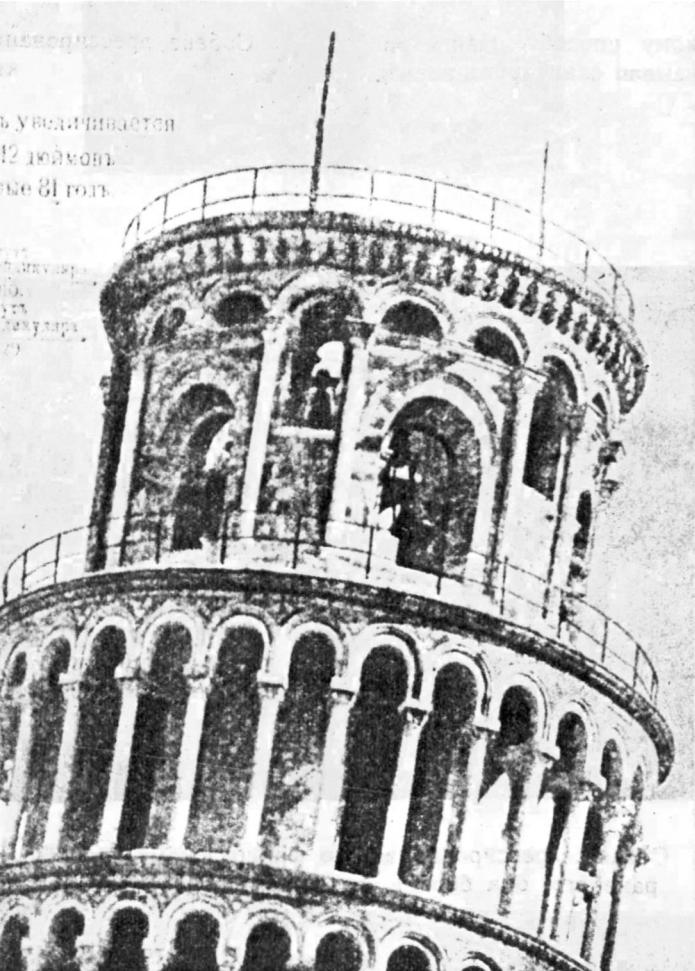
Молчишь. И въ молчаніи твоемъ всегда слышно большое великое „да“.

Э. Грунина.

Малороссийская артистка
О. В. Ольгина.

(Къ исполнившемуся 22 июля 25-лѣтнему юбилею).

Знаменитая косая башня въ Пизѣ, грозящая паденiemъ.

НОВОСТИ АВІАЦІИ.

На дирижабль черезъ Атлантический океанъ.

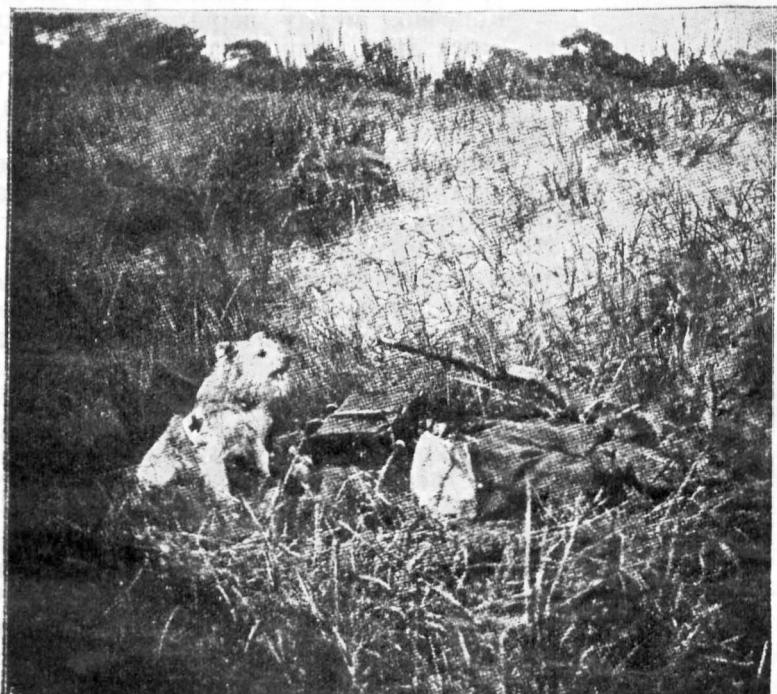
Неудача Цеппелина въ Германіи никакъ не уменьшила оптимистическихъ взглядовъ на будущность воздухоплаванія въ Америкѣ. Особенно много говорятъ теперь въ Нью-Джерси и въ Нью-Йоркѣ о предполагающемся полетѣ черезъ океанъ, который затѣяли осуществить подъ конецъ этого лѣта газеты „Daily Telegraph“ и „New York Times“. Конецъ лѣта дол-

женъ быть, по мнѣнію американцевъ, особенно благопріятенъ для опытовъ этого рода, а самыи вопросъ о возможности перелета черезъ океанъ они въ принципѣ считаютъ давно решеннымъ. Конечно, между первымъ піонеромъ этого дѣла, дирижаблемъ „Америка“, и воздушными кораблями будущаго различия такъ же велика, какъ между судномъ, на которомъ открылъ Новый Свѣтъ Колумбъ, и современными океанскими пароходами. Надо же когда-нибудь и откуда-нибудь начать, говорятъ американцы—почему же не намъ и не сейчасъ? Для решения этого вопроса американские аэронасты собрались въ Брайтонѣ на восточномъ берегу. Здѣсь аэроклубъ рѣшилъ выстроить помѣщеніе для шара. Зданіе будетъ имѣть 250 ф. длины, 80 ф. ширины и 80 ф. высоты и окончено постройкой въ двѣ недѣли. Восемьдесятъ тоннъ сѣрной кислоты и 60 тоннъ желѣзныхъ опилокъ для добычи водорода уже доставлены, а газовый аппаратъ, высланный изъ Парижа, прибудетъ на слѣдующей недѣлѣ. Американцы уѣждены, что г. Велльманъ и его товарищъ достигнутъ успѣха, если только изобрѣтенный ими поддерживавшій равновѣсіе аппаратъ будетъ работать хорошо. Др. Цанъ, личность выдающаяся среди американскихъ авіаторовъ, утверждаетъ, что въ атмосфера на высотѣ одной мили надъ землей поверхностью наблюдается движение на востокъ со значительной скоростью. Онъ не видитъ причинъ, почему бы „Америку“, поднявшуюся на достаточную высоту, не понесъ къ востоку вѣтеръ со скоростью 50-100 миль въ часъ. Уже около полуостолѣтія тому назадъ, говоритъ др. Цанъ, американскій воздухоплаватель-піонеръ дѣлалъ всѣ приготовленія, чтобы перелетѣть на шарѣ изъ Америки въ Европу. Онъ долженъ былъ оставить эту затѣю лишь благодаря плохой конструкціи тогдашнихъ шаровъ. При тѣперешнихъ усовершенствованіяхъ, когда пропитанная каучукомъ оболочка теряетъ не болѣе 1% газа въ сутки, возможно будетъ перелетѣть чрезъ океанъ, даже не имѣя двигателя. Тѣмъ легче это будетъ сдѣлать на хорошемъ дирижаблѣ, скорость движения котораго лишь усилить быстроту переноса теченіемъ,—и у котораго потребленіемъ топлива будетъ компенсироваться потеря газа.

Авіаторъ Августъ Постъ говоритъ, что теперь, когда всѣ такъ увлекаются аэропланами, особенно полезно и своевременно показать, что значение дирижаблей не меньше, если не больше. Это дирижабль, а не аэропланъ первымъ перелетѣть черезъ океанъ, и чѣмъ раньше это будетъ сдѣлано, тѣмъ важнѣе это будетъ для воздухоплаванія. Если бы полетѣть „Америку“ и кончилился бы неудачею—все же она дастъ новыя и важныя свѣдѣнія о воздушныхъ теченіяхъ надъ Атлантическимъ океаномъ.

А. К.

СПАСАТЕЛЬНЫЕ СОБАКИ.

Собака, дрессированная по немецкому способу. Найдя раненого, она остается при немъ—призыва санитаровъ воемъ.

ПОЛЕЗНЫЯ СВѢДѢНИЯ.

О культурѣ томатовъ.

Томаты съ некотораго времени сдѣлались въ Европѣ и у насъ на югѣ необходимѣйшею овошью. Всякий, занимавшійся ихъ разведеніемъ, знаетъ, что для того, чтобы получить хорошия крупные плоды необходимо сильный ростъ растенія. Чѣмъ ранѣе растеніе достигаетъ полнаго развитія, тѣмъ важнѣе это для урожая плодовъ. Многіе думали достигнуть этого прищипываніемъ верхушки на первыхъ ступеняхъ развитія растенія, но такой приемъ совершенно ошибоченъ. Оно не любить искусственной остановки роста. Посѣвъ растенія долженъ быть сдѣланъ поздно, когда ему не угрожаютъ морозы. Крѣпкую и здоровую разсаду надо садить въ самую тучную землю, у основанія стѣнки освѣщенной солнцемъ и поддерживающей ихъ ростъ безъ всякой подрѣзки. Когда вѣти выкинутъ по двѣ грозди цветковъ, тогда надобно прищипнуть верхушку, оставивъ подъ нею два листа. Точно также тогда нужно удалить и всѣ корневые побѣги, если на нихъ еще неѣтъ цветковъ. Точно также вплоть до созреванія плода надобно прищипливать всѣ вновь образующіяся вѣтки и обильно поливать растеніе.

Къ вопросу объ истребленіи клоповъ.

Какъ известно, вредное дѣйствіе клоповъ состоитъ въ томъ, что они раздражаютъ кожу своими укусами, вызывая боль, зудъ и расчесы. Этимъ

Собака, дрессированная по французскому способу. Найдя раненого, она беретъ его кепи и относитъ санитарамъ.

насѣкомымъ принадлежитъ также важная роль въ распространеніи цѣлаго ряда заразныхъ болѣзней, какъ, напр. возвратного тифа, чумы и пр. Отсюда и понятна борьба человѣка съ этимъ паразитомъ, особенно, при существованіи эпидемій. Изъ арсенала средствъ противъ клоповъ, имѣющихся въ продажѣ, одни недоступны по цѣнѣ для бѣдныхъ, другіе мало дѣйствительны, такъ какъ, убивая взрослыхъ паразитовъ, не оказываются дѣйствіемъ на зародышей и, наконецъ, не ко всѣмъ предметамъ, въ которыхъ заводятся клопы, всегда возможно ихъ примѣнить. Ре-

Собака, дрессированная по французскому способу. Не найдя кепи, она беретъ ружье.

зультаты изслѣдованія въ вышеуказанномъ направлениі показали, что казенный денатурированный спиртъ, годный для освѣщенія, но не годный для питья, съ кетоновымъ масломъ является прекраснымъ, вѣрнымъ средствомъ для истребленія клоповъ, а по своей дешевизнѣ доступнымъ каждому. При пульверизації (при помощи пульверизатора съ 2-мя баллонами для духовъ) гнѣздъ клоповъ въ щеляхъ стѣнъ, кроватей, матерій и т. д. оказалось, что въ теченіе нѣсколькихъ секундъ происходитъ слѣдующее: прекращеніе движений, побуреніе паразитовъ, высыханіе, изгибаніе посрединѣ спины внизъ, упирание головы внизъ, приподыманіе паразита на ножкахъ съ поднятіемъ брюшка вверхъ и, наконецъ, паденіе его чаще набокъ. Убитые паразиты при доступѣ воздуха не оживали. Кроме того, оставшіеся на мѣстѣ, въ гнѣздахъ убитые клопы и ихъ зародыши, при умѣломъ пользованіи спиртовымъ пламенемъ, полученнымъ при зажиганіи спирта въ мѣстѣ пульверизаціи еще до момента полнаго его улетучиванія, сгорали, не оставляя никакихъ пятенъ.

